
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

*И.В. Саморукова****СИЛА МЕТОДА**

Статья посвящена наследию выдающегося ученого С.З. Агранович, в содержательном плане представляет собой попытку рефлексии очень важной для самарского (и не только) интеллектуального контекста фигуры – Софьи Залмановны Агранович (1944–2005).

Ключевые слова: С.З. Агранович, научная деятельность, метод, анализ конкретных явлений культуры.

Жанр этих заметок определить непросто: то ли предисловие к переизданию научных трудов, то ли аналитическая статья, посвященная наследию выдающегося ученого.

Слово «фигура» – о, сколько сарказма вкладывала, как в старину говаривали, «корпулентная» Софья Залмановна в это многозначное слово! – в данном случае очень подходит в качестве маркера того влияния, которое оказывала Агранович на своих коллег и учеников. Она не разделяла личное и профессиональное, досуг и работу, повседневность и историю, цитируя по этому поводу любимого Бахтина: «Чистый быт – фикция, интеллигентская выдумка. Человеческий быт всегда оформлен, и это оформление всегда ритуально (хотя бы “эстетически”» [1]. Кстати, тот же Бахтин был для нее не столько научным авторитетом, сколько живым примером такого целостного отношения к жизненному опыту.

С.З. Агранович, несомненно, обладала колоссальным неформальным человеческим влиянием, изменившим мировоззрение всех, кто был с нею знаком: от главного редактора «Новой газеты» Дмитрия Муратова, который не только писал под ее руководством дипломную работу, но и дружил с Агранович до конца ее дней, нежно называя ее шефом, до медсестры Иры Щербаковой, которая, однажды навестив Софью Залмановну по вызову из поликлиники, стала ей чем-то вроде названной дочери. Черновики своих работ Софья Залмановна читала всем, кто приходил в ее более чем скромную квартиру: студентам, коллегам, соседям-школьникам, едва понимающим по-русски иностранцам, сантехникам и газовщикам, потому что писала для всех, мнение каждого было для нее интересно и существенно. Зачем она это делала? Ответ прост: она не могла иначе, потому что была одержима просветительской миссией, полагая, что добытые ею знания необходимы каждому для жизни.

---

* © Саморукова И.В., 2014

Саморукова Ирина Владимировна (samorukov@inbox.ru), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Что еще оставила нам Софья Залмановна в наследство? Можно ли говорить о чем-то вроде научной школы, у истоков которой она стояла?

Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, войти, выражаясь наукообразно, в проблемное поле ее научной деятельности, нужно сказать несколько слов о том, как она сама его открыла. Кандидатская диссертация С.З. Агранович была посвящена творчеству драматурга-классика А.Н. Островского. Тема была в русле интересов ее научного руководителя. Уже остепененной, она работала в профессионально-техническом училище, где, по ее собственным словам, научилась объяснять сложные вещи «на пальцах». Когда, наконец, удалось поступить на работу в университет, ей достались далеко не лучшие учебные курсы, одним из которых был «Устное народное поэтическое творчество». Достаточно полистать учебники 60–70-х годов, чтобы понять, какая это была «лажа» (да простит автора читатель за не совсем уместное здесь словечко, но, поверьте, оно вполне в духе Агранович). «Шкатулка песни народной», – так по названию советской радиопередачи характеризовала Софья Залмановна предметное содержание этого считавшегося во многих университетах маргинального курса, который она за несколько лет преподавания на филфаке госуниверситета превратила в мощную теоретическую дисциплину «Теория и история фольклора». Позже на этой базе и на основании ее научной работы родились оригинальные спецкурсы «Фольклор и литература» и «Типология художественного сознания».

С.З. Агранович поняла, что методы традиционного советского литературоведения, преимущественно описательного, к фольклору совершенно неприменимы и самостоятельно вышла на антропологический подход. Она отказалась от убогих учебников – и к этому приучила своих студентов – и обратилась к трудам самых лучших отечественных и зарубежных антропологов, этнологов, этнографов, историков, теоретиков фольклора: Дж. Фрезера, В. Проппа, К. Леви-Строса, В. Жирмунского, Е. Мелетинского, Д. Лихачева, Ю. Лотмана, М. Стеблина-Каменского, А. Гуревича, О. Фрейденберг, М. Панченко и, разумеется, М. Бахтина. Список, конечно, неполный. Она изучила почти все работы в этой области, выпускаемые издательством «Наука». Фольклор С.З. Агранович увидела новыми глазами: это был гигантский ресурс не только литературных конструкций, но и «моделей», «структур», «матриц» человеческого сознания от глубокой древности до современности. Этой проблематике и было посвящено все ее научное творчество.

«Предрассудок» как «обломок древней правды» (она любила повторять эти строки Баратынского), то есть «фольклорно-мифологический мотив», или, как позднее Агранович стала это называть, «древнюю структуру», ее метод превращал в глубинное означаемое литературной конструкции, например, сюжета или системы персонажей. Это означаемое включало анализируемый текст или целое литературное явление в то, что М. Бахтин называл «большим временем», в историю человеческого сознания, определяемую часто неосознаваемым ее агентами влиянием традиции. Иными словами, новое вино всякий раз вливается человеком в старые мехи. Именно «мехи» и связывают поколения, обеспечивая культурную преемственность. В мифе, в фольклоре С.З. Агранович видела нечто вроде «генетического кода искусства», а в своих последних двух книгах, написанных в соавторстве с лингвистом Евгением Стефанским и психологом Сергеем Березиным, также языка и сознания. Вот кратко и вся суть ее метода.

Но дело здесь все же не столько в методе, сколько в блистательной практике его реализации при анализе конкретных явлений культуры. Именно культуры, а не только и не столько литературы, которая была для С.З. Агранович сферой репрезентации базовых моделей этой культуры. В текстах ей был интересен, прежде всего сюжет и мотивы поступков персонажей, его глубинные нарративные модели, восходящие к мифу и фольклору. В этом смысле литературное произведение рассматривалась ею

как своеобразная площадка антропологического опыта, причем опыта незавершенно-го, открытого как в прошлое, так и в настоящее с будущим. Именно поэтому искусство рассматривалось С.З. Агранович как пространство изучения «законов человеческого сознания» и, несомненно, поступков.

Она так была убеждена в верности найденного подхода, так страстно защищала его от нападков литературоведческой пошлости, выражающейся в фундированных мудреной терминологией обывательских оценках искусства, что навсегда заражала этим своих студентов. Они были убеждены в правильности и проверенности найденного Софьей Залмановной метода и без особо труда находили в «Капитанской дочке» модели волшебной сказки, а у Платонова и Хармса – структуры архаического мифа. А уж проповедским «обрядом инициации» можно было отомкнуть любую сюжетную дверь. Доходило порой до анекдотических случаев. Покойный Алексей Карпеев, один из самых талантливых ее студентов, впоследствии ставший католическим философом, занимался прозой Юрия Трифонова. Бытописатель шестидесятничества предстал в его анализе каким-то мистиком, вроде Юнга, одержимым образами реки как границы миров, проходящим вместе со своими героями многочисленные инициации, как то рождение из жизни в смерть и обратно. Это был явный перебор. Софья – так ее называли за глаза – оторопела и долго потом спрашивала коллег: неужели подобное безумие напрямую вытекает из ее лекций и работ. Разумеется, оно вытекало, потому что возвышенное безумие – это неотвязный спутник всякой страсти, а метод был для Агранович страстью. Но ей ли было не знать, что возможность пародии не что иное, как показатель значительности пародируемого явления.

Все главные труды С.З. Агранович написаны в соавторстве с коллегами. Первые две книги о Пушкине она написала во второй половине 1980-х годов с историком русской литературы Людмилой Рассовской. «Неизвестный Хемингуэй» создавался вместе с американистом Анатолием Петрушкиным. Две теоретические монографии о притче и о двойничестве были написаны совместно с автором данной статьи. Над «Мифом в слове» С.З. Агранович работала вместе с филологом-славистом Евгением Стефанским, последняя монография создавалась с психологом Сергеем Березиным. Помимо этого было немало количество программ и пособий для школьников, которые она разрабатывала вместе с учителями. Больше она не успела.

С.З. Агранович могла работать только в соавторстве. Ей нужен был диалог, спор, который если и не рождает истину, то, по крайней мере, оберегает от паранойи. Понятно, что для соавторов сотрудничество с такой харизматической личностью был щекотливым вопросом: все думали о научной карьере, о списке трудов, где соавторство не очень-то приветствовалось. Как потом отделить свое от Софьиного? И даже гаже: не достанется ли ей вся слава, а в том, что слава будет, сама же Агранович соавторов и убеждала. После завершения очередного совместного труда напряженность в отношениях на некоторое время возникала почти всегда. И только Софья Залмановна была от этой суеты далека: ей нравилось работать и искать истину, а на регалии ей было наплевать. Она абсолютно бескорыстно помогала всем: от коллег и бывших студентов до соседки-старшеклассницы, обратившейся к ней за советом по очередному реферату.

Сегодня понятно, что Софья Залмановна Агранович продвигала новый тип гуманитарного исследования: коллективный исследовательский проект на междисциплинарном пространстве. За этим, безусловно, будущее. Ее взгляд обогащал частный дисциплинарный подход, а знания и компетенции коллег-соавторов всякий раз корректировали метод посредством предметной фактуры и своего аналитического аппарата. Так и формируются научные школы. Для полной реализации школы Софье Залмановне не хватало контактов с коллегами из других университетов. Сначала по семейным обстоятельствам (на руках у нее были престарелые горячо любимые роди-

тели), потом по состоянию здоровья С.З. Агранович не могла ездить по симпозиумам и конференциям. Интернет даже в конце ее жизни был мало доступен. Однако благодаря ее ученикам, рассеянным сегодня по всему миру, метод Агранович известен. Возможно, он не значится в списках сугубо филологических открытий, но в интеллектуальной среде память о нем жива. В середине 1990-х годов о «древних структурах» вспомнили те, кто подались в рекламу и PR. Одна из ее поклонниц Наталья Гончарова даже пыталась сделать его стратегическим методом загадочного института «Семья и собственность», возникшего где-то в недрах Медицинского управления делами президента РФ. Речь шла о новой национальной идее. Еще один анекдот.

Монография «Двойничество» – общая с автором работа, как распорядилась судьба, последняя из совместных. Она впервые вышла в 2001 году в издательстве «Самарский университет» и разошлась с удивительной быстротой. Это самая востребованная ее книга. До сих пор автору приходят письма с просьбой выслать ее. Софья Залмановна же любила раздаривать свои труды всем подряд: школьникам, студентам, технарям, соседям.

Идея принадлежала ей. Она давно заметила распространенность этой персонажной модели в культуре разных народов от архаического мифа до массовой художественной продукции наших дней. В типе двойничества – а мы выделили их три: антагонистический, патронажный и близнецный – нам виделась культурная репрезентация моделей социального взаимодействия. Двойниковая пара – это как бы минимальная единица такого взаимодействия. Преобладание того или иного типа двойничества в какой-либо культуре позволяло сделать вывод о некоторой исторической матрице ее горизонтального устройства. Так, для русской культуры – от полуфольклорного текста про Фому и Ерему до Набокова и Венедикта Ерофеева – свойствен так называемый близнецный тип, утвердившейся в ней в результате исторических обстоятельств времен катастрофического правления Ивана Грозного. Нечто подобное впервые высказал А. Панченко. Если в западноевропейской культуре преобладает антагонистический, конкурентный тип двойничества, когда отношения внутри пары строятся как борьба «плюса» и «минуса» с обязательной победой одной из сторон, то в России близнецы абсолютно идентичны, как Фома и Ерема, где один кривой, а другой с бельмом. Русские близнецы голы, босы и шатаются «меж двор», завершая свое существование нелепой совместной смертью. Такова запечатленная в литературе модель нашего социума, у которого вообще-то никаких перспектив на успех и нет. Это показано в блестящем анализе гоголевской «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», любимом куске Софьи Залмановны. Помните, у одного голова была похожа на редьку хвостом вверх, а у другого – хвостом вниз, и прожили они жизнь свою, истратив силы и энергию в бесплодной и бессмысленной ссоре. Она хотела эту главу доработать, говорила, что нашла интересное историческое объяснение некоторым деталям.

Когда обдумывали и писали эту работу, никакого политического тандема, так впоследствии напомнившего автору русское близнецное двойничество, и в помине не было. Вот и еще один анекдот, еще одна пародия на наши исследовательские штудии.

Современность интересовала Софью Залмановну не меньше древних структур, а в последние годы, пожалуй, и больше. Ее исследовательская мысль всегда питалась жизнью. Это, пожалуй, главный урок, полученный автором из дружбы и сотрудничества с Софьей Залмановной. В своих работах С.З. Агранович любила по-новому интерпретировать хрестоматийные произведения русской классики, тексты канона, как теперь принято говорить: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Лескова. С одной стороны, здесь было много личного. Софья Залмановна была бойцом и отвоевывала корпус классических произведений у унылых филологических долдонов, своих школьных и институтских учителей, приверженцев нормативных толкований.

Как-то она поделилась первым опытом такой войны. Это было тогда, когда она еще школьницей изучала роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Агранович написала сочинение, где она со злой иронией «раскрывала» образ Веры Павловны, которая «накушавшись сливок» любила «смотреть тематические сны». Далее описывался такой вот «двадцать пятый сон Веры Павловны». Разумеется, был скандал.

У Софьи Залмановны не было пиетета перед классикой именно потому, что она существовала в ее опыте как живая. Она относилась к авторитетам, как к близким людям: любила, ненавидела, негодовала, жалела. Говорили, что Агранович ругает всех писателей по алфавиту. «Русская литература прекрасна, а писатели в ней — говно», — хорошо запомнилось это ее резкое высказывание. Но она не была догматиком, ее можно было переубедить. Она одно время не любила Андрея Платонова и даже сочинила на него очень злую, но и очень точно передающую стиль пародию. Но когда вместе со своей ученицей Еленой Сергеевой стала работать над его романами, изменила свое отношение, хотя старой пародии и не стыдилась. Набоков ей тоже поначалу не понравился и она даже обозвала его «писеткой» (производное от «нимфетки»), но потом сама предложила автору обратиться к его роману «Отчаяние», где мы обнаружили русское двойничество. Ее резкие оценки сбивали с ее учеников пафос и самонадеянность и прививали главное качество, которого сегодня так не хватает отечественным гуманитариям — критическое мышление.

С другой стороны, именно классика, канон и архив, которые транслирует школьная программа, закрепляют базовые модели художественного конструирования реальности. Эти модели потом воспроизводятся и как литературная традиция, и как культурный код. Обращаясь к современным произведениям, С.З. Агранович выявляла именно эти структуры. Культура в ее представлении была непрерывна, а ее движение она представляла себе в духе Тынянова как постоянное перемещение исходных матриц из центра на периферию и обратно. Думается, что в нашем сегодняшнем сознании, где культурные и исторические пропасти наскоро соединяются примитивными квазиидеологическими конструктами, этого осознания глубинной непрерывности очень недостает.

Гуманитарные исследования, как и все научные труды, устаревают, но честные работы, как и люди, стареют красиво. Труды С.З. Агранович, написанные в диалоге с ее коллегами, которые далеко не всегда были ее полными единомышленниками, во многом дети своего времени с его иллюзиями и неоправдавшимися надеждами. Ранние книги о Пушкине и Хемингуэе содержат в себе следы добротного советского марксизма, опирающегося на первоисточники второй половины XIX — начала XX века. Их сложно сегодня цитировать, но как пример честной аналитической практики они для нас не менее ценны, чем работы, например, Михаила Лифшица. Да и вообще, дело не в цитатах. И научные труды Софьи Залмановны, и, конечно, ее лекции, частично сохранившиеся благодаря стараниям ее учеников, являют пример дерзкой мысли, сопрягающей «далековатые», на первый взгляд, сферы реальности: опыт пытливой девочки, выросшей в бараке, яростно устремленной к познанию того, как устроена окружающая ее жизнь, и традиции мировой гуманитарной мысли; полное физической боли и страха перед телесной беспомощностью, прикованное к Самаре существование провинциального интеллигента и бойцовский характер интеллектуального революционера; литературоведа, воспитанного на классике, и любопытного (ее любимым словом было «любопытно») антрополога, интересующегося практиками человеческих взаимодействий; художественно одаренного человека, рисовавшего блестящие шаржи, особенно на саму себя, и сочинявшего талантливые пародии, и дошного, скрупулезного исследователя; знатока неофициальных сфер языка и человека деликатного, порой велеречиво вежливого и в университетской аудитории, и на рынке.

И последнее: аналитические практики Софьи Залмановны Агранович были очень индивидуальными, неразрывно связанными с ее личностью. В известном смысле слова, они невоспроизводимы. Невозможно быть такой, как Софья, даже если ты законспектировал все ее лекции и досконально проштудировал все ее книги и статьи [2–4]. Ее преподавательская биография доказывает, как важна в нашем гуманитарном деле личность, посвящающая тебя в науку. Ее увлеченность предметом сначала восхищает и немного подавляет. Ты очень боишься ее нелицеприятного суждения о своих первых шагах в науке. Потом в какой-то момент ты набираешься решимости не согласиться с ней и, наконец, начинаешь спорить, отстаивая уже свою собственную позицию. Перечитывая книги Софьи Залмановны, можно заметить их внутренний научный сюжет, который разворачивается как нарастание противоречивости концепции к концу исследования. Сегодня стало понятно, что соавторы зря обижались: С.З. Агранович в сущности всегда жертвовала собой ради интеллектуального роста своих коллег. Она самоотверженно выводила их на новые исследовательские рубежи, если, конечно, у них хватало потом сил их освоить. Но это уже от нее не зависело...

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 359.
2. Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. 132 с.
3. Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни: очерки по мифолингвистике. Самара: Издательство СаГА, 2003. 168 с.
4. Агранович С.З., Березин С.В. Homo amphibolos: археология сознания. Самара: Бахрах-М, 2005. 344 с.

References

1. Bakhtin M.M. Records of 1970–1971 years, *Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity*. M.: Art, 1979, p.359. (in Russ.)
2. Agranovich S.Z., Samorukova I.V. Duplicity. Samara: Izdatelstvo «Samarskii universitet», 2001, 132 p. (in Russ.)
3. Agranovich S.Z., Stefano E.E. Myth of the word: the continuation of life: Essays on mifolingvistike. Samara: Izdatelstvo SaGA, 2003, 168 p. (in Russ.)
4. Agranovich S.Z., Berezin S.V. Homo amphibolos: archeology of consciousness. Samara: Bachrach-M, 2005, 344 p. (in Russ.)

I.V. Samorukova*

FORCE OF METHOD

Article is devoted to the heritage of outstanding scientist S.Z. Agranovich, in terms of content it is an attempt of reflection of very important for Samara (and not only) intellectual context shapes – Sophia Zalmanovna Agranovich (1944–2005).

Key words: S.Z. Agranovich, science, method, analysis of specific cultural phenomena.

---

* *Samorukova Irina Vladimirovna* (samorukov@inbox.ru), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.